

Густав Климт. Городской пейзаж

ОЧАРОВАНИЕ МОДЕРНА

Эпоха так называемого модерна совершила переворот в художественной культуре человечества. «Простор» уже посвятил цветную вклейку этому явлению в образе Серебряного века русской поэзии (№ 9, 2024). В этом году мы будем отмечать 160-летний юбилей Редьярда Киплинга и Уильяма Йейтса, 150-летие Райнера Рильке, 145-летие Гийома Аполлинера. И ещё 140-летие Эзры Паунда, хотя он оставил о себе весьма неоднозначную память...

Модернисты, как в литературе, так и в других областях искусства, дали направление дальнейшему духовному развитию населения планеты. В их творческой практике были не только звёздные взлёты, но и откровенные падения, идентичные их биографиям и поведению в обществе. Достаточно вспомнить триумф Киплинга, Блока, Хименеса, но и общественные скандалы, связанные с Верленом, Рембо, Уайльдом, Аполлинером и самым ранним из этой когорты – Стефаном Малларме. Впрочем, о них можно говорить много и захватывающе интересно. Но лучше дать им слово самим – представить их бессмертные опыты в самом величественном жанре самовыражения – поэзии. Итак...

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Серые глаза

Серые глаза – рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю – в том нет вины –
Все четыре этих цвета.

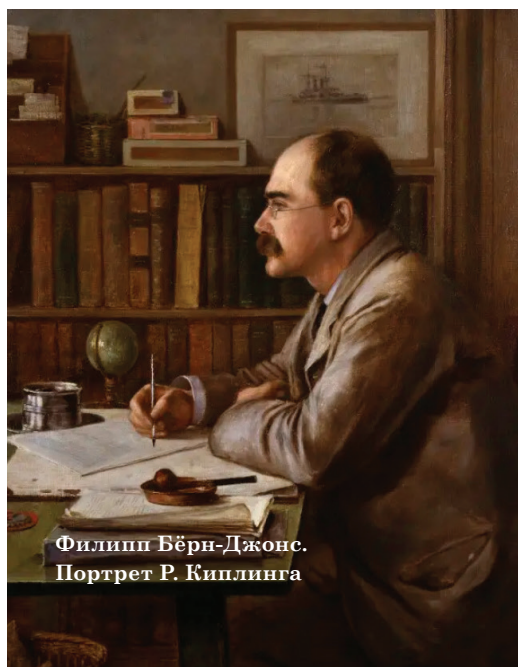
Чёрные глаза – жара,
В море сонных звёзд скольженье,
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.

Перевод Константина Симонова

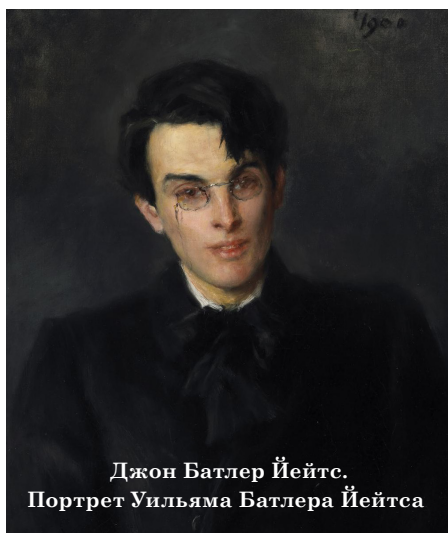
Синие глаза – луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза – песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полёта.

Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырёхжды должник
Синих, серых, карих, чёрных.

Филипп Бёрн-Джонс.
Портрет Р. Киплинга

Джон Батлер Йейтс.
Портрет Уильяма Батлера Йейтса

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС

Сладкий зов

Умолкни, неизбывный сладкий Зов!
Ступай к небесным стражам-овчарам –
Пускай кочуют до конца веков
Тебе вослед сияньями во тьме.

Иль не слышал ты, что душа стара,
Что ты – в прибое, в шелесте дубов,
И в крике птиц, и в ветре на холме?
Умолкни, неизбывный сладкий Зов!

Перевод Анны Блейз

Я вышел в мглистый лес ночной...

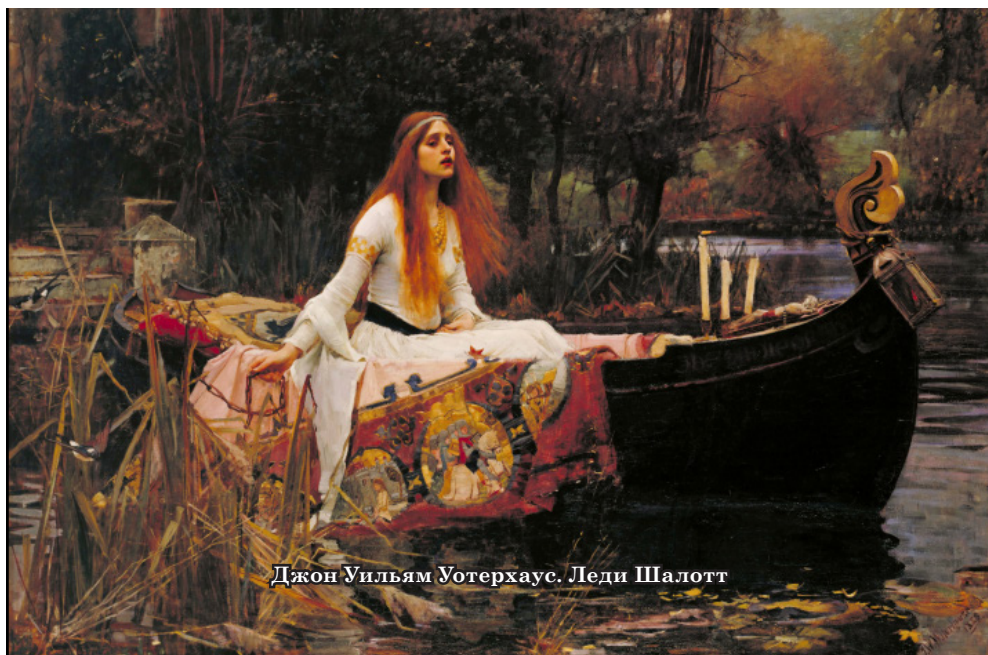
Я вышел в мглистый лес ночной,
Чтоб лоб горящий остудить,
Орешниковый срезал прут,
Содрал кору, приладил нить.
И в час, когда светлела мгла
И гасли звёзды-мотыльки,
Я серебристую форель
Поймал на быстрине реки.

Я положил её в траву
И стал раскладывать костёр,
Как вдруг услышал чей-то смех,
Невнятный тихий разговор.

Предстала дева предо мной,
Светясь, как яблоневого цвет,
Окликнула – и скрылась прочь,
В прозрачный канула рассвет.

Пускай я стар, пускай устал
От косогоров и холмов,
Но чтоб её поцеловать,
Я снова мир пройти готов,
И травы мять, и с неба рвать,
Плоды земные разлюбив,
Серебряный налив луны
И солнца золотой налив.

Перевод Григория Кружкова

Джон Уильям Уотерхаус. Леди Шалотт

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

Простые слова

Простые, скромные, обычные слова,
Я полюбил вас, бледных, некрасивых, —
От моего святого пиршества
Я дал вам много красок горделивых...

И вижу — выступает в первый раз
На зимних щёчках радостный румянец...
Мои стихи подхватывают вас
И начинают с вами нежный танец.

Ангелы

Они — с усталыми глазами,
Застыли в начатом стихе,
И в их мечты вплелась с веками
Тоска — как будто о грехе.

Их лица — схожих ряд овалов,
И все молчанья их равны,
Как много-много интервалов
В великой песне вышины.

Но чуть взмахнут они крылами —
Пройдёт воздушная струя,
Как будто Бог в замолкшем храме
Провёл творящими руками
По тёмной книге бытия.

Карлос Швабе.
Смерть и могильщик

Лу Альбер-Лазар. Портрет Рильке

Вечер

Как книга — вечер предо мной...
Загнув застёжки золотые,
Её пурпурные листы я
Беру холодной рукой.

Мелькает первая страница...
Читаю с нежною тоской, —
Склоняюсь тише над второй,
А третья — третья мне уж снится...

Переводы Александра Биска

Нет одиночеству предела...
Оно как дождь: на небе нет пробела,
в нём даль морей вечерних онемела,
безбрежно обступая города, —
и хлынет вниз усталая вода.

И дождь всю ночь.
В рассветном запусенье,
когда продрогшим мостовым тоскливо,
неутолённых тел переплетенье
расторгнется тревожно и брезгливо,
и двое делят скорбно, сиротливо
одну постель и ненависть навеки, —

тогда оно уже не дождь, —
разливы... реки...

Перевод Михаила Рудницкого

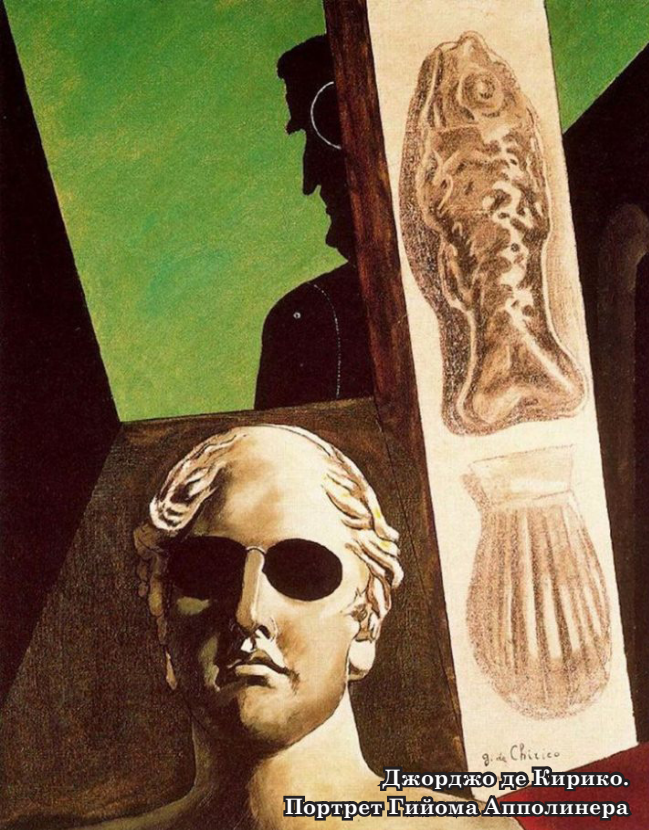
ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР

* * *

В небе моём, как на синем поле,
Осыпаются грёзы, гаснет звезда.
Все мои грёзы – сны, и не боле,
И не свершаются никогда.

Не каждая ива – плачущая ива,
Не у каждой розы розовый цвет.
Я знаю героев, бегущих трусливо,
И дверь, на которой запоров нет.

Ни страсти, ни пыл ничего не значат.
Всё, что мы говорим, есть ложь.
Сердце отноет. Глаза отплачут.
А с голого разума что возьмешь?

Джорджо де Кирико.
Портрет Гийома Аполлинера

* * *

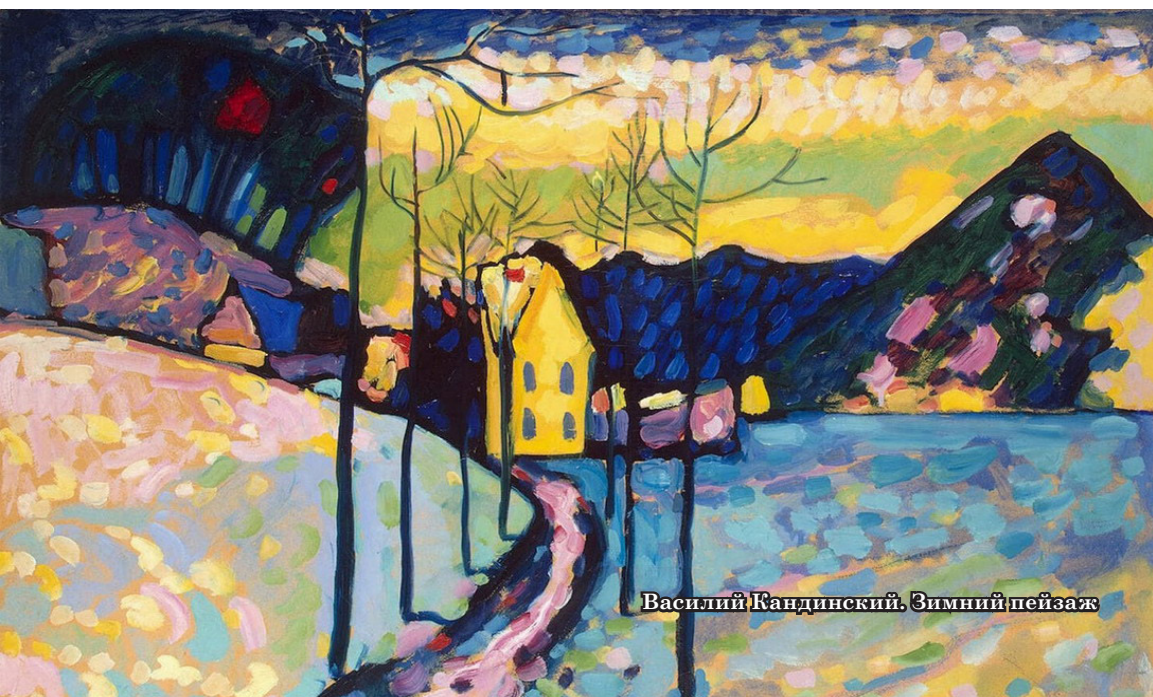
Опять зима опять печали
И сердце бьётся в пустоте
Пустые дни пустые дали
Зимой отдаться бы мечте
Да сердце выдержит едва ли

Оно саднит и ноет так
Что тяготит разлуку нашу
Ты ждёшь меня подай же знак
И я созвездьями украшу
Невыносимый полумрак

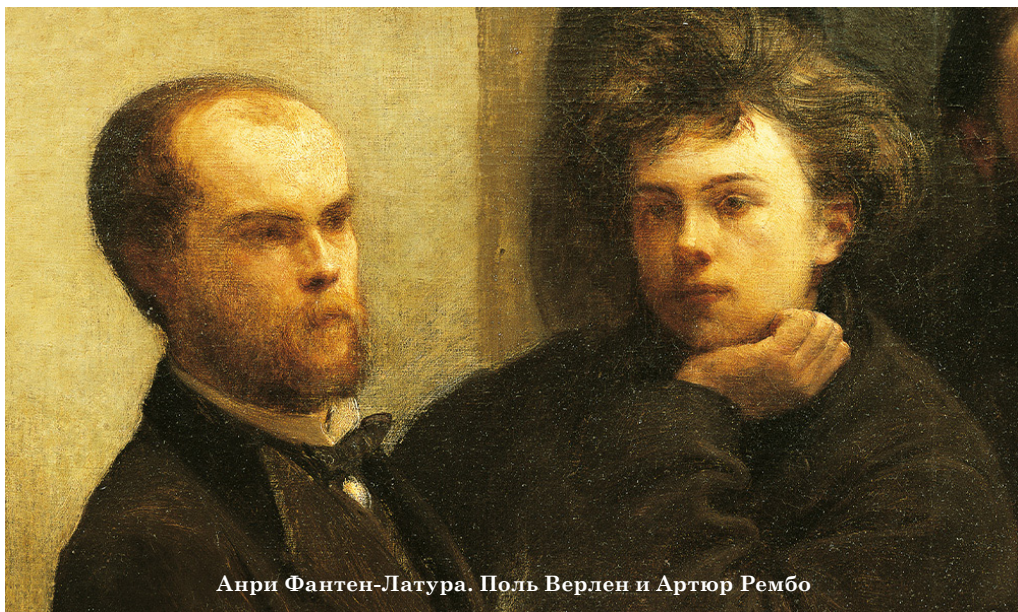
В небесном воинстве желаний
Я рядовой твоей мечты
Что этой грёзы постоянной
И всё о чем мечтаешь ты
Живет не зная расстояний

А я с утра себя ловлю
На том что мучусь и пылаю
И что ни день тебя люблю
И что ни ночь тебя желаю

Переводы Михаила Яснова

Василий Кандинский. Зимний пейзаж

Анри Фантен-Латура. Поль Верлен и Артю Рембо

АРТЮР РЕМБО

Добрые мысли поутру

Летним утром в четыре часа
Ещё длится любовная Дрёма,
И вечерняя бродит истома
В предрассветных лесах.

Только плотники, настороже
Диска солнечного в Гесперидах,
Рукава засучили уже
На площадках открытых.

Там, под сводом пустынности пенной,
Встанет город, богатый крепьши;
Они стены возводят степенно
И стропила для крыш.

Ради этих прекрасных Трудяг,
Подданных Вавилонского царства,
Брось, Венера, влюблённых Зевак,
Их душа не без барства.

О, Звезда Пастушат!
Водкой потчуй рабочих своих,
Чтобы сил сохранялся уклад
В ожиданье купаний
полдневных морских.

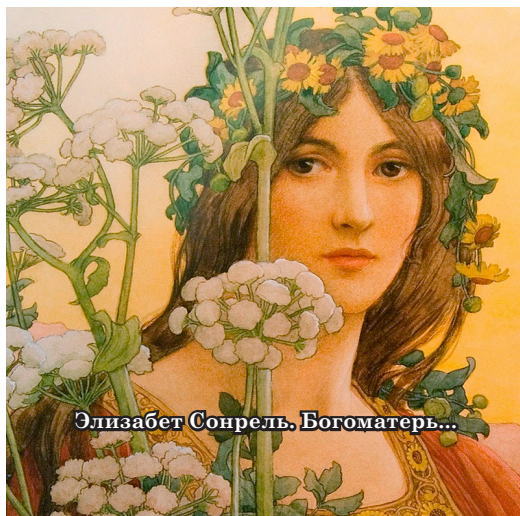
Перевод Олега Кустова

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Обет

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос
И дерзость робкая пылающих лобзаний!
Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренней любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли, – и вот царит мороз
Тоски, усталости, и нет очарований.
Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.
О женщина, с душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничем и кто порой,
Как мать, с улыбкою вас тихо в лоб целует!

Перевод Валерия Брюсова

Элизабет Сонрель. Богоматерь...

Оскар Уайльд.
Фотография Наполеона Сарони

ОСКАР УАЙЛЬД

Поклонник

Когда умер Нарцисс, разлившийся ручей его радости превратился из чаши сладких вод в чашу солёных слёз, и ореады пришли, плача, из лесов, чтобы петь над ручьём и тем подать ему отраду. И когда они увидели, что ручей превратился из чаши сладких вод в чашу солёных слёз, они распустили свои зелёные косы и восклицали над ручьём, и говорили:

– Мы не дивимся твоей печали о Нарциссе – так прекрасен он был.

– Разве Нарцисс был прекрасен? – спросил ручей.

– Кто может это знать лучше тебя? – отвечали ореады. – Он проходил мимо нас, к тебе же стремился и лежал на твоих берегах, и смотрел на тебя, и в зеркале твоих вод видел зеркало своей красоты.

И отвечал ручей:

– Нарцисс любим был мною за то, что он лежал на моих берегах и смотрел на меня, и зеркало его очей было всегда зеркалом моей красоты.

ТОМАС СТЕРНЗ ЭЛИОТ

Полые люди

Мы полые люди
Мы набивные люди
Труха в башке,
Как в мешке. Увы!
Наши засушенные голоса,
Если шепчемся,
Безотносительно голосят,
Как ветер в сухой конопле,
Как шаги крысят
По стеклянному бою
В погребе где ни капли
Бесформенный контур,
Бесцветный контур,
Парализация силы
И неподвижность жеста;
Кто переправился не отводя глаз
В сопредельное Царство смерти,
Да помянет нас –
Если он вспомнит нас –
Не как баянов
Но как болванов –
Как набивных болванов.

Перевод Виктора Топорова

Перевод Фёдора Сологуба

Перси Уиндем Льюис. Портрет Элиота

Портрет Эдгара По

ЭДГАР АЛЛАН ПО

Эль-Дорадо

Он на коне,
В стальной броне;
В лучах и тенях Ада,
Песнь на устах,
В днях и годах
Искал он Эль-Дорадо.

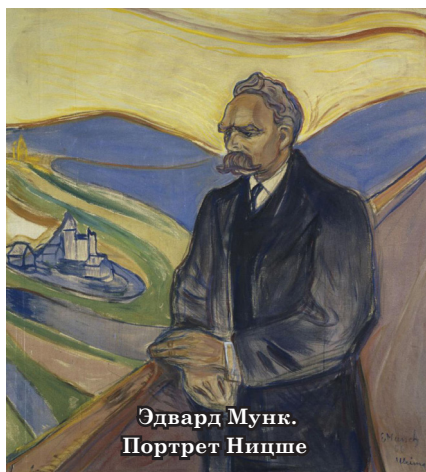
И стал он сед
От долгих лет,
На сердце – тени Ада.
Искал года,
Но нет следа
Страны той – Эль-Дорадо.
И он устал,
В степи упал...
Предстала Тень из Ада,
И он, без сил,
Её спросил:
«О Тень, где Эль-Дорадо?»

«На склоны чёр-
ных Лунных гор
Пройди, – где тени Ада!»
В ответ Она:
«Во мгле без дна –
Для смелых – Эль-Дорадо!»

Перевод Валерия Брюсова

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Вечерний сумрак – аметист –
Всё глубже и синей,
Фонарь мерцает, как светляк,
В густой листве аллей.
Старинный слышится рояль,
Звучит мажорный лад;
Над желтизной клавиш вдаль

Эдвард Мунк.
Портрет Ницше

ФРИДРИХ НИЦШЕ

Скрипит перо

Терпеть мне ад – скрипеть перу!
Приговорённый к дням постылым,
Я вновь чернильницу беру,
И – набело, назло чернилам!

Как я горжусь самим собой,
Как бурны слов моих потоки!
Пусть неразборчив почерк мой –
Да кто заглянет в эти строки...

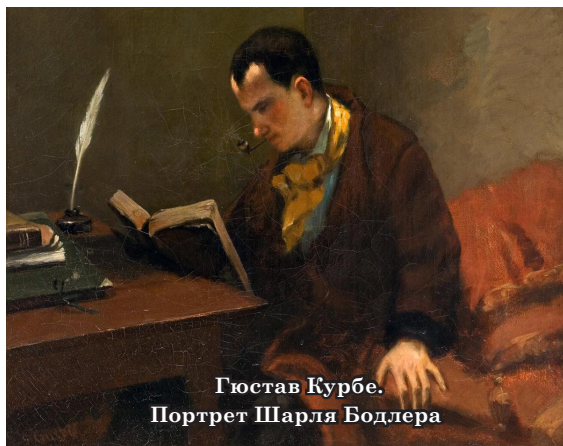
Перевод Вячеслава Куприянова

Жак-Эмиль Бланш.
Портрет Джеймса Джойса

Её глаза скользят.
Небрежны взмахи рук, а взгляд
Распахнут и лучист;
И вечер в россыпи огней
Горит, как аметист.

Перевод Григория Кружкова

Гюстав Курбе.
Портрет Шарля Бодлера

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Альбатрос

Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц Океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.

Грубо кинут на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как вёсла, их тяжко влачит за собой.

Лишь недавно прекрасный, взвивавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, нелепым, смешным!
Тот дымит ему в клюв табакищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

Перевод Вильгельма Левика

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Лебедь

Могучий, девственный, в красе извивных линий,
Безумием крыла ужель не разорвёт
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полётов скованных прозрачно-синий лёд?

И Лебедь прежних дней, в порыве гордой муки
Он знает, что ему не взвиться, не запеть:
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придёт зима в сиянье белой скуки.

Эдуард Мане.
Портрет Малларме

Он шейю отряхнёт смертельное бессилье,
Которым вольного теперь неволит даль,
Но не позор земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной земного одеянья,
И стынет в гордых снах ненужного изгнания,
Окутанный в надменную печаль.

Перевод Максимилиана Волошина

Подготовил Сагин-Гирей БАЙМЕНОВ

